

— И дураку ясно, что путешествия в прошлое абсолютно невозможны, — сказала леди Сотофа. — Потому что никакого прошлого нет. Прошлое — это не тайная комната в подвале под Хуроном, куда при большом желании, ловкости и везении можно пробраться, а просто набор обстоятельств и событий, которые уже завершились, как закончилась камра в этом кувшине. Хороши мы будем, если попытаемся выпить её ещё раз! Нечего там пить, в кувшине пусто. Вот тебе и всё прошлое.

И швырнула кувшин на пол — видимо, для пущей наглядности. Впрочем, он не разбился, а просто исчез, так и не долетев до земли. Хорошо быть могущественной ведьмой, как ни безобразничай, а в доме всегда порядок. В смысле в садовой беседке, где леди Сотофа Ханемер обычно принимает гостей.

— Вот и мне примерно так кажется, — согласился я. — Поэтому все эти разговоры про Мост Времени натурально сводят меня с ума. С одной стороны, не могу же я вам не верить. То есть вообще-то могу, но подозревать, что вы выдумали Мост Времени специально, чтобы оставить меня в дураках, было бы совсем уж странно. А с другой стороны, я совершенно уверен, что идти по этому мосту некуда, потому что прошлого уже нет. И будущего нет — ещё. Время — это текущее мгновение, плюс память и воображение. И всё.

— Это так, — кивнула леди Сотофа. — Идти по Мосту Времени некуда, ты прав. Но некоторые всё же идут. И даже при-

ходят куда, вернее, когда собирались, вот в чём штука. Как бы ты объяснил такой парадокс?

— Наваждение? — предположил я, чувствуя себя последним двоечником. — Галлюцинация, мираж, сон наяву?..

— Нет смысла продолжать, — отмахнулась она. — Холодно. И даже не забавно. Придумай что-нибудь ещё.

— Ладно. Например, существует почти бесконечное число реальностей, совершенно одинаковых во всём, кроме собственно хода времени. То есть каждая отстаёт от соседней на одну секунду. Или долю секунды — неважно. А мы болтаемся где-нибудь примерно посередине. И при определённой сноровке можно путешествовать между этими Мирами, перескакивая в очень далёкие — те, которые отстают от нас на тысячи лет. Или, напротив, опережают...

— Чегооо?! — переспросила леди Сотофа.

Судя по выражению её лица, она ушам своим не верила. Хотя, по идее, знает меня не первый год. И в принципе должна бы понимать, чего от меня можно ожидать.

— Значит, опять холодно, — вздохнул я. — Надеюсь, хотя бы забавно?

— Да не то слово. Бесконечное множество копий одной и той же реальности! И каждая отстаёт от соседней на долю секунды. Браво, сэр Макс! Мне доводилось беседовать про Мост Времени с парой дюжин сумасшедших колдунов и тремя выдающимися математиками. Но никому из них не удалось додуматься до такого кромешного ужаса.

— Это ещё был не ужас, — скромно заметил я. — Вот если оставить меня наедине с этой темой дня этак на два, желательно в полном одиночестве и без срочной работы...

— Не уверена, что готова услышать, до чего ты способен додуматься в столь благоприятных обстоятельствах.

— Шансы, честно говоря, невелики. У меня, сами знаете, полон дом кошек, собак и чудовищ, при этом дня не проходит без вторжения какого-нибудь бывшего Мятежного Магистра, внезапно решившего пожелать мне хорошего вечера. И доброго утра заодно — если засидимся. В такой умиротворяющей обста-

новке довольно сложно додуматься до чего-нибудь по-настоящему ужасного. Что к лучшему. Потому что когда я начинаю слишком много думать, рано или поздно непременно додумываюсь до очередного конца Мира и начинаю панически соображать, как бы его отме... Почему вы так на меня смотрите?

— Потому что горячо, — сказала леди Сотофа. — Очень горячо. Почти угадал.

Если бы она обрушила мне на голову крышу уютной садовой беседки, в которой мы так замечательно сидели, это был бы гораздо более милосердный поступок. Впрочем, чем-чем, а чрезмерным милосердием леди Сотофа Ханемер никогда особо не грешила. Нелепо было бы на него рассчитывать.

— Пройти по Мосту Времени — это и означает отменить Мир, — сказала она. — Пока ты стоишь на Мосту Времени, ничего, кроме тебя, нет. И не было, и не будет. Но если у тебя хватит воли и страсти, ты можешь заставить Мир снова начаться, причём с того самого момента, который тебя интересует. Пока ты настолько хозяин ситуации, назначить нужную дату совсем нетрудно, она — всего лишь одна из множества подробностей, которые остаются на твоё усмотрение. Потому что на твоё усмотрение — вообще всё. Именно так обстоят дела, сэр Макс, нравится тебе это, или нет.

— Вы хотите сказать, что Мир рухнет всякий раз, когда очередной любитель приключений решает прогуляться по Мосту Времени? А потом снова рождается?

— Разумеется, я не хочу этого говорить. Потому что уже сказала. Глупо было бы продолжать хотеть сделать то, что уже сделано. В утешение тебе могу добавить, что таких, как ты выражаешься, любителей приключений на пальцах пары дюжин рук сосчитать можно. Ну, может быть, третья дюжина понадобится, если мы великодушно согласимся принять на веру совсем уж смутные легенды о подвигах древних магов, не сохранившие ни подробностей, ни имён.

— Пальцы трёх дюжин рук? И на совести каждого хотя бы одно разрушение Мира? С последующим его воссозданием? Ну ничего себе! Чокнуться можно.

— Напрасно ты так драматизируешь. Практика показывает, что нет ничего полезней для равновесия Мира, чем регулярные инъекции небытия. Мне доводилось видеть реальности, так и не породившие ни одного охотника бегать по Мосту Времени. Воздух там, на мой вкус, слишком густой и тяжёлый, дневной свет ослепляет, тьма способна свести с ума, материя жестка и неподатлива, а магия работает так медленно, что проще решить, будто её нет вовсе... Ладно. Я только и хотела сказать: не тревожься.

— После всего, что я услышал?!

— Именно. Просто так не тревожиться любой дурак может. А вот не тревожиться, став обладателем пугающей тебя информации — важнейшее из искусств.

Я невольно улыбнулся.

— Уже хорошо, — одобрительно кивнула леди Сотофа. — Не то чтобы я верю, будто ты так быстро успокоился, но попытка засчитывается, поскольку ценна сама по себе. А теперь выдыхай, сэр Макс. Я не сказала тебе самого главного: Мир исчезает только для того, кто ступил на Мост Времени. С точки зрения оставшихся дома, не происходит ничего из ряда вон выходящего. То есть будем честны, вообще ничего не происходит. Сама неоднократно оставалась и проверяла. А я, ты знаешь, дотошная.

— Тогда не сходится, — буркнул я.

Впрочем, с облегчением.

— Сходится, если предположить, что ступивший на Мост Времени отменяет не Мир, а себя в нём. Становится несуществующим, никогда не рождённым. А потом создаёт себя заново — когда пожелает. С точки зрения небытия нет не только прошлого и будущего, но и настоящего. Вообще ничего нет, кроме нашей воли, которая способна на всё, особенно если загнать её обладателя в угол. А Мост Времени — очень хороший угол. Там до любого сразу доходит, что «я не могу» означает «меня нет». В таких обстоятельствах мало кто станет упорствовать в немощи.

— Можно я немножко побьюсь головой об стенку? — вежливо спросил я. — Совсем чуть-чуть, до первой крови. Просто чтобы отвлечься.

— Лучше покури, — усмехнулась леди Сотофа. — Эффект тот же, а стены при этом целы.

Хороший совет.

— Слушай, а зачем тебе вообще понадобилась информация про Мост Времени? — спросила она. — Если ты просто искал повод заглянуть в гости, тогда молодец, остроумное решение, под таким предлогом ко мне на кружку камры ещё никто не напрашивался. Хотя я тысячу раз говорила тебе, что нормального человеческого желания повидаться обычно вполне достаточно. А если...

Ох, нет!

У меня натурально в глазах потемнело от её невысказанного предположения, будто информация про Мост Времени понадобилась мне для дела. Только не это. Ну пожалуйста, дорогая моя судьба, не надо! Чего тебе стоит?

— Просто заметил, что эта тема очень меня пугает, — признался я. — Уши готов заткнуть, лишь бы не слушать, когда кто-то в очередной раз заговорит про Мост Времени. А это не дело — так сильно бояться. Я просто не могу позволить себе такой страх. И лучше бы победить его задолго до того, как у него появится хоть малейший шанс осуществиться.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

— Обычно причиной страха становится невежество. Оно оставляет простор воображению, а с ним шутки плохи. По крайней мере, с моим. Поэтому я решил расспросить именно вас. Вы очень хорошо знаете, что такое Мост Времени. И совсем его не бойтесь. Напротив, любите там гулять. Именно то, что надо, — так мне казалось.

— Ну и как, помогло? — сочувственно спросила леди Сотофа.

— Не знаю, — честно сказал я. — Прямо сейчас кажется, что стало только хуже. Но это как раз нормально, мне всегда нужно время, чтобы примириться с очередной порцией новой информации. Наверное, через полгода внезапно обнаружится, что я больше не вздрагиваю, услышав словосочетание «Мост Времени». Возможно, даже зеваю от скуки. Думаю: «Охота же людям говорить о такой ерунде! Подумаешь — какой-то дурацкий мост...»

— Аж через полгода? — рассмеялась она. — Ты себя недооцениваешь, сэр Макс! Будь я любительницей заключать пари, поставила бы на завтрашний вечер.

Когда леди Сотофа Ханемер берётся прогнозировать моё будущее, она кажется наивной оптимисткой. И поверить ей почти невозможно, сколько ни напоминай себе, что она всегда оказывается права.

И тут оказалась права, по крайней мере, отчасти: на следующий вечер я действительно зевал, да так, что скулы болели. Правда, не от скучных разговоров про Мост Времени, а по куда более естественным причинам: просто очень хотел спать. По досадному недоразумению тело моё при этом обреталось не в постели, а в холле гостиницы в самом центре Нумбаны, крупнейшего и богатейшего города Ландаграда, одной из провинций Соединённого Королевства.

Вместо того чтобы наслаждаться очевидными преимуществами такого положения, я томно сидел на табурете в изысканной позе подтаявшего на солнце студня. И чувствовал себя соответственно. И мыслил. И венцом могущества мне в тот момент казалось вовсе не умение пересечь какой-то там дурацкий Мост Времени, а дивная мистическая способность сделать несколько дюжин шагов, отделявших меня от двери моего номера.

— Ну что, теперь тебе ясно, зачем нужны ярмарки? — спросил Нумминорих, бодро размахивая перед моим носом полуметровой копчёной колбасой, выигранной в так называемой «Обжорной лотерее», где билетами являются гигантские пироги с номерами, выложенными из ягод и орехов, причём, пока не съешь свой пирог целиком, приз не получишь, хоть из бабума в распорядителя стреляй. Но Нумминорих с пугающей лёгкостью преодолел это препятствие.

За пугающей лёгкостью — это вообще к нему. В любое время суток.

Вот и теперь, в финале долгого и чертовски утомительного дня, в голосе Нумминориха звучал неподдельный энтузиазм,

способный вызвать справедливое негодование у любого нормального человека с трезвым взглядом на жизнь. Например, у меня.

Я не швырнул в него ближайшей табуреткой только потому, что вовсе не был уверен в своей способности её поднять. Первый же подход к снаряду мог оказаться последним героическим деянием моей бестолковой жизни: вся мебель в этой грешной гостинице была изготовлена из знаменитого ландаландского Каменного дерева, древесина которого считается самой тяжёлой в Мире и такой твёрдой, что практически не поддаётся обработке. Но когда это останавливало настоящих мастеров.

Поэтому я не стал кидаться мебелью, а заговорил человеческим голосом.

— Конечно. Ярмарки нужны затем, чтобы я полночи гнал, как бешеная собака, поутру отправился приятно проводить время в обществе нескольких тысяч орущих весельчаков, всегда готовых как следует пихнуть ближнего локтем в бок, а к вечеру озверел бы окончательно и устроил конец света. Уверен, именно с такой целью некий неведомый мне злодей и организовал в свое время этот кромешный ужас, который тут, в Нумбане, почему-то считается весёлой ярмаркой. Но я не намерен быть слепым орудием в чужих руках. А посему отправляюсь спать. И если ты сделаешь так, чтобы меня никто не беспокоил хотя бы часов десять кряду, я лично буду хлопотать перед Его Величеством о вручении тебе именного ордена за спасение Мира от разъяренного меня.

С этими словами я наконец сполз с табурета с твёрдым намерением немедленно отправиться в свою комнату, оставив Нумминориха восхищаться моим красноречием. Ну или, напротив, крутить пальцем у виска. У всякого, кого угораздило связаться со мной, всегда есть такой выбор.

Однако Нумминорих в любой ситуации пытается договориться. Даже с неодушевлёнными предметами вроде меня.

— Ты же сам захотел ехать сюда в амобилере, — укоризненно заметил он мне вслед. — Хотя я сразу предложил пройти Тёмным Путём и...

— И лишить меня ни с чем не сравнимого удовольствия полночи гнать, как бешеная собака? — возмутился я. — Ну уж нет!

— А ещё я предлагал тебе лечь поспать сразу после приезда, — напомнил он. — Ярмарка никуда не убежала бы.

Кстати, да. Он действительно предлагал. Но я и слушать не стал. Хлебнул бальзама Кахара и понёсся на эту грешную ярмарку — вот интересно, зачем? Нет ответа.

— Надо было не предлагать, а связывать меня по рукам и ногам и запирать в подвале, — проворчал я. — Так я вполне мог бы уснуть — просто от безвыходности. Заклинания, освобождающие от пут, я, будешь смеяться, до сих пор не вызубрил; строго говоря, даже не знаю, есть ли такие.

— Конечно, есть, — заверил меня Нумминорих. — Целая куча! Вот сразу видно, что у тебя детство не в Ехо прошло, и ты в «Догони-свяжи Магистра» ни разу не играл. Взрослым-то подобные фокусы уже как бы и ни к чему, нас такой ерундой, как верёвки, обычно не связывают.

Зная Нумминориха, я не сомневался, что, дай ему волю, он тут же примется обстоятельно объяснять мне правила, а полчаса спустя как-то внезапно окажется, что мы уже подняли на ноги всех гостиничных постояльцев, разбились на команды и начали играть — причём только для того, чтобы я как можно лучше понял его объяснения.

Ну уж нет.

— Давай я всё-таки пойду спать, — предложил я. — И всем будет хорошо. Особенно мне.

— Ой, конечно, иди, — спохватился Нумминорих. — Извини, пожалуйста. Просто я огорчился, что тебе не понравилась ярмарка.

— Да с чего ты взял? — изумился я.

— С твоих слов.

— Нашёл кого слушать.

— Но...

— Просто так моё сознание защищается от переизбытка впечатлений, — объяснил я. — Прикидывается, будто оно всем

недовольно. А это всего-то и означает, что у меня просто больше нет сил радоваться и удивляться. Прости. В голову не пришло, что я могу быть убедителен в этом амплуа.

— Более чем, — заверил меня Нумминорих.

Ну да. Я чертовски талантливый трагик. Нельзя об этом забывать.

Что обычно делает нормальный человек, не спавший двое с лишним суток, донельзя утомлённый долгой дорогой и новыми впечатлениями, добравшись наконец до постели? Правильный ответ: падает и засыпает.

Но только при одном условии: если этот человек — не я.

Потому что я в такой ситуации сперва действительно падаю на постель и лежу очень долго, целых пятнадцать секунд. А может быть, даже двадцать. Лежу и разглядываю синий потолок, расписанный жёлтыми репами и белыми звёздами — не потому, что зрелище так уж прекрасно, просто у меня нет сил закрыть глаза. Да и особого смысла в этом действии нет, поскольку, отдав должное потолочной росписи, я с душераздирающим стоном привожу своё бедное тело в вертикальное положение и заставляю его сделать очередной шаг. Правда, всего один. Для того, чтобы оказаться дома, этого совершенно достаточно.

Главная драма моей жизни на сегодняшний день состоит в том, что я научился ходить Тёмным Путём. То есть сам-то по себе фокус чрезвычайно полезный, даже не представляю, как прежде без него обходился. Чего не следовало делать ни в коем случае, так это хвастаться своим новым умением всем подряд. Потому что теперь, с точки зрения этих самых всех, служебная командировка в Ландаланд — да хоть на край Мира — совершенно не повод забыть на все остальные дела. «Ну так зайдётся на полчаса Тёмным Путём, тебе же не трудно», — в один голос твердят мои ближние, коварные злодеи и безжалостные мучители, все как один.

Я всегда умел тщательно подбирать окружение, этого у меня не отнять.

* * *

Коварные злодеи и безжалостные мучители, разумеется, уже поджидали меня в засаде. В смысле в гостиной Мохнатого Дома. Затаились там в удобных креслах и ржали так, что стены ходуном ходили — не то от переизбытка злодейства, не то просто для привлечения внимания. В злодейской психологии я до сих пор не шибко силён.

Председательствовал в этом собрании сэра Джуффин Халли, главный виновник моих страданий. В смысле это была его идея — приятно провести вечер в моей гостиной именно сегодня, не дожидаясь окончания нашей с Нумминорихом служебной командировки. Не то чтобы он силой и угрозами заставлял меня проявлять гостеприимство, просто я ещё очень хорошо помню те времена, когда заполучить Джуффина в гости было практически невозможно. И всякое его появление в своём доме до сих воспринимаю как чудо — даром, что чудеса такого рода случаются теперь чуть ли не через день.

Чтобы было не так скучно меня дожидаться, Джуффин прихватил с собой сэра Кофу Йоха и Мелифаро. Очень удачный, я считаю, набор. Хотя бы потому, что длинное землистобурое лоохи из грубой шерсти, надетое Кофой специально для посещения какого-нибудь безымянного трактира, где режутся в карты высшие чины Канцелярии Больших Денег, ловко замаскировавшиеся под окрестных фермеров, служит совершенно изумительным фоном для охапки полупрозрачных блестящих тряпок, в которые закутан сэра Мелифаро. Подозреваю, бедняга уже и сам не рад, что вменил себе в обязанность исполнение всех требований столичной моды, которая в последнее время как с цепи сорвалась, словно все уцелевшие мятежные Магистры давным-давно разогнанных Орденов тайно вернулись в Ехо и открыли портновские мастерские, чтобы поквитаться за свою загубленную жизнь со всеми нами сразу. Если так, месть их, безусловно, удалась.

Но Мелифаро держится стойко. Он вообще очень мужественный человек, хотя с виду, конечно, не скажешь — пока не разденется.

Если по уму, с ними или даже вместо них здесь сейчас должна была бы сидеть страшно истосковавшаяся по мне за истекшие сутки леди Меламори. Но где это видано, чтобы у нас хоть что-то делалось по уму. Меламори отнеслась к моему отъезду с огромным энтузиазмом. Для неё всякая моя отлучка — дополнительная счастливая возможность запереться дома и, не отвлекаясь на всякую ерунду вроде свиданий и вечеринок, предаться своему любимому занятию. В смысле превращения в какую-нибудь очередную пакость. Собственно, я даже знаю, в какую именно. После того как сэр Шурф подарил Меламори отлично сохранившийся экземпляр старинной «Энциклопедии устрашающих созданий», она натурально влюбилась в зелёного Муррийского Демона Гнева, существо мифическое, но оттого ничуть не менее привлекательное. Этого следовало ожидать, Меламори романтична и впечатлительна, а у Муррийского демона одних только огромных лиловых глаз несколько дюжин. И каждый окружён тонкими ядовитыми шипами, похожими на длинные ресницы. Арварохский хуб, в которого Меламори недавно выучилась превращаться, ни в какое сравнение с этой пусечкой не идёт.

Не могу сказать, что я в таком уж восторге от её нового увлечения, но не готов становиться между человеком и его сокровенной мечтой. Во-первых, для этого я слишком уважаю чужую свободу воли, а во-вторых, жизнь мне пока дорога.

В общем, Меламори в гостиниой не было. Зато рядом с Джуфффином сидела Базилио. И правильно делала, что сидела. Мало что приносит столько пользы и удовольствия неопытным юным барышням, как возможность коротать вечера в обществе взрослых, состоявшихся злодеев. В этом смысле жизнь Базилио удалась окончательно и бесповоротно, причём с самого первого её дня, когда наша общая любимица была ещё не долговязой рыжей девицей, а ужасающей химерой с головой индюка. Вот что значит счастливая судьба! А что наряды ей теперь помогает выбирать сэр Мелифаро — ну так всякая палка о двух концах. К тому же женская мода у нас гораздо консервативней мужской, поэтому результат их совместных походов по модным лавкам пока выглядит ненамного хуже, чем индюшачья голова.